

Чжун Цзыци лежал на кровати, уставившись в тускло-серые занавески. Мысли невольно уносились далеко. Он никак не мог понять — умер ли он в своём прежнем, современном мире, или же их души просто поменялись местами с хозяином этого тела. Если он действительно умер... родители, наверное, будут безутешны.

Но, к счастью, он не был единственным ребёнком в семье. У него есть старший брат — способный, надёжный. Тот наверняка позаботится о родителях как следует. Об этом Цзыци почти не тревожился.

А вот тот человек...

Наверное, он тоже будет грустить из-за его исчезновения. Всё-таки внешне они всегда оставались лучшими друзьями. Чжун Цзыци считал, что все эти годы довольно успешно скрывал свои чувства.

Вспоминая те счастливые дни, что они провели вместе с момента знакомства, он криво усмехнулся и тихо вздохнул.

Наверное, так даже лучше — пусть тот окончательно поставит точку и забудет.

Мысли вернулись в настоящее, и Цзыци снова вздохнул. До сих пор всё казалось ему каким-то нереальным — словно он парит в воздухе, не касаясь земли. Он всё ещё не привык к происходящему.

Выйти замуж... за дурака.

Он и сам не знал, как описать свои чувства. Сам по себе он был ге*м — поэтому мысль о том, чтобы быть с женщиной, его не отталкивала. Но этот мужчина — совершенно чужой... и к тому же с помутнённым разумом.

Что ждёт его дальше — он и представить не мог.

Оставалось лишь идти шаг за шагом и смотреть, что будет.

Время пролетело быстро. И вот, в одно мгновение, настал день свадьбы Чжун Цзыци.

Из-за особых обстоятельств обеих сторон — один считался слабоумным, другой находился в трауре — да и ради экономии, семьи решили не устраивать пышного праздника. Пригласили лишь несколько столов гостей. Поели — и разошлись.

Чжун Цзыци сидел на кровати в полупоношенной свадебной одежде. Рядом с ним расположился мужчина, который всё время глуповато улыбался.

Это была их первая встреча.

Густые брови, длинные узкие глаза, высокая переносица, полные губы. Крепкое, сильное тело. Рост — выше Цзыци почти на полторы головы. Во всём этом без труда угадывался настоящий красавец.

Чжун Цзыци с сожалением покачал головой.

Ну как же так... такой красивый мужчина — и вдруг дурачок.

Просто расточительство даров небес!

— Как тебя зовут? — мягко спросил он.

Конечно, имя он знал. Но нельзя же просто сидеть в тишине — надо было хотя бы немного поговорить, попытаться узнать человека рядом.

— Дурак... дурак, — хихикнул Чжао Чжэнъань.

Цзыци нахмурился. И так было ясно — люди, должно быть, постоянно так его и называют.

Это вызвало у него неприятное чувство. Он всегда ненавидел, когда над кем-то издеваются или унижают. Возможно, потому что с детства был чувствительным и мягким человеком. А может, потому что, повзрослев, понял — его собственная ориентация отличается от других, и он всегда опасался чужой дискриминации.

Поэтому он серьёзно взял Чжао Чжэнъаня за плечи и сказал:

— Тебя зовут не «дурак». Твоё имя — Чжао Чжэнъань. Чжао Чжэнъань. Запомнил?

Дурачок снова радостно захихикал:

— Чжао Чжэнъань... Чжао Чжэнъань.

— Молодец. А меня зовут Чжун Цзыци. Я — твой...

Он осёкся на полуслове.

Цзыци вдруг не знал, как продолжить. Ему было слишком трудно принять и всерьёз произнести эту роль — роль мужа... для дурачка.

— Жена! Ты моя жена! — вдруг громко заявил Чжао Чжэнъань и потянулся, чтобы схватить его за руку.

Чжун Цзыци на мгновение опешил, а затем сразу же широко распахнул глаза и возразил:

— Я не твоя жена! Я... э-э... я твой брат. Точно, брат!

— Неправда! — упрямо замотал головой Чжао Чжэнъань. — Амо сказал, что ты моя жена! Моя жена... — его глаза тут же покраснели, и он уставился на Цзыци жалобным, почти испуганным взглядом, будто боялся, что тот снова станет отрицать.

Вот и всё — можно даже не ломать голову. Его просто хорошенько «запрограммировали».

— Ладно, ладно, — Цзыци провёл рукой по лицу, чувствуя, как на лбу проступает воображаемая чёрная полоска раздражения. — Тогда ты должен меня слушаться, понял? Что скажу — то и будешь делать. Иначе... я тебя брошу.

Он посмотрел на него и невольно растерялся. Перед ним сидел здоровенный парень — пусть и всего семнадцатилетний, но всё же высокий, широкоплечий мужчина — а выражение лица у него было таким жалобным и беспомощным, что это вызывало странное ощущение... какое-то нелепое, почти умилительное несоответствие.

Как только они более-менее разобрались между собой, дверь внезапно загрохотала от громкого

стука.

— Мой амо велел вам прийти, — крикнул кто-то за дверью.

Голос прозвучал — и сразу же удалился, словно говоривший тут же убежал прочь.

Чжун Цзыци догадался: это наверняка был Чжао Чжэнхун — сын мачехи Чжао Чжэнъаня.

Зовут их? Интересно, зачем.

Он поднялся и сделал пару шагов к двери, но вдруг остановился — дальше идти не получилось. Цзыци обернулся и проследил взглядом вверх по руке, которую тянули назад.

Чжао Чжэнъань всё так же держал его, глядя тем самым жалобным взглядом:

— Жена... жена...

Цзыци обречённо вздохнул. Затем перехватил большую ладонь — грубую, мозолистую, заметно крупнее его собственной — и, крепко сжав её, потянул за собой.

Они вышли из комнаты и направились в главный зал.

Там уже сидели Чжао Чэн и господин Ван. Рядом стоял Чжао Чжэнхун, который всё время вертел глазами по сторонам.

Чжао Чэн был мужчиной чуть выше Чжао Чжэнъаня, с тёмной, загорелой кожей. Увидев сына, он лишь лениво скользнул по нему взглядом и тут же отвернулся.

А рядом с ним сидел Ван — полное имя Ван Цуйхуа. Это был чуть полноватый гер с тонкими губами; одного взгляда хватало, чтобы понять — характер у него такой же колючий и язвительный, как у Ли Сюэцзюань.

И действительно, первым заговорил именно он:

— Раз уж ты сегодня вышел замуж и пришёл в нашу семью, кое-что нужно обсудить. Чжэнъаню уже семнадцать — возраст, когда пора делить хозяйство. Нельзя же, чтобы мы кормили его всю жизнь, верно? У его младшего брата ещё свадьба впереди. Если люди узнают, что в семье живёт глупый старший брат, кто захочет выдавать за нас своего ребенка?

Чжун Цзыци приподнял бровь, глядя на него. Он не ожидал, что он будет говорить так прямо.

— И что же вы предлагаете?

— Разделиться, конечно.

— И как вы собираетесь это сделать, амо? — Цзыци нарочно изобразил на лице наивность, хотя внутри едва сдерживал радость. Раздел — это же прекрасно. Лучше бы прямо завтра.

— У нашей семьи двенадцать му земли. Три му отдадим вам. Как тебе? Это уже немало — вам двоим хватит, чтобы жить, — сказал Ван Цуйхуа, морща нос и губы так, будто делал величайшее одолжение. На самом деле расставаться даже с этими тремя му ему было до боли жалко.

— А деньги? — спокойно спросил Цзыци. — Амо, у нас ведь с Чжэнъанем ни единой монеты.

— Деньги?! — голос Ван Цуйхуа сразу стал резким. — Он, этот ходячий аптечный горшок, сколько денег из дома высосал на лекарства! Радуйся, что мы с тебя ничего не требуем!

Он тут же вошел в привычный язвительный тон и начал перечислять, сколько средств якобы ушло на лечение «глупости» Чжао Чжэнъяня.

Но Чжун Цзыци слушал это вполуха. На лице он изобразил расстроенное выражение и тихо сказал:

— Амо, адэ, если у нас нет денег, как мы будем жить? И где нам тогда жить после раздела? Знаете... может, лучше не делиться. Я буду хорошо заботиться о вас обоих.

Он прекрасно знал: чтобы оформить раздел семьи, нужна подпись Чжао Чжэнъяня. Если тот не согласится — никто не сможет заставить его подписать бумаги.

И, как он и ожидал, Ван Цуйхуа мгновенно вспыхнул:

— Не делиться?! Ты что, собираешься вечно сидеть у нас на шее?! Мне твоё служение не нужно! Эта семья обязательно будет разделена...!

Чжун Цзыци ничего не ответил. Он просто стоял, словно одеревенев.

Позади него Чжао Чжэнъянь робко держался за его руку. Он ужасно боялся амо и адэ — те могли ударить его по любому поводу.

В комнате повисло напряжённое молчание. Лишь Ван Цуйхуа время от времени бросал очередное ругательство.

Наконец глава семьи, Чжао Чэн, раздражённо заговорил:

— Ладно, хватит. Денег дадим одну гуань — тысячу медных монет. А что до жилья... за деревней есть старый родовой дом. Не слишком развалившийся. Идите и живите там.

Ван Цуйхуа уже было открыл рот, чтобы возразить, но стоило Чжао Чэну бросить на него взгляд — и он тут же притих, лишь недовольно уставился на Чжун Цзыци и Чжао Чжэнъяня.

Родовой дом...

В памяти Цзыци всплыло это место. Он стоял далеко от деревни, неподалёку от подножия горы. Там было несколько пустых домов — старых, полуразрушенных. Когда-то там жило поколение их дедов.

И ведь не стыдно же им такое предлагать...

Но Цзыци не стал возражать.

Во-первых, если отказаться — им и вовсе негде будет жить. Во дворе нынешнего дома Чжао места для них точно не найдётся.

Во-вторых... ему даже нравилось, что этот дом так далеко.

С людьми в деревне он не был знаком. Если со временем кто-нибудь заметит, что он ведёт себя

странно? К тому же жить среди деревенских означало бы постоянно становиться предметом сплетен.

Лучше уж держаться подальше — не видеть, не слышать. Тогда можно будет жить спокойно и свободно, делать что хочется.

После этого Ван Цуйхуа сказал, что завтра они пойдут к старосте деревни подписывать бумаги о разделе, и сердито ушёл.

Чжао Чэн тоже быстро поднялся и увёл младшего сына.

В просторной комнате остались только двое.

Чжун Цзыци равнодушно пожал плечами. Чем быстрее — тем лучше. Он не боялся дурной славы: ведь это они решили разделить уже на второй день после свадьбы. Если кто и потеряет лицо, то не он. Его разве что пожалеют.

— Жена! — Чжао Чжэнъань дёрнул его за рукав.

— М? — Цзыци очнулся от своих мыслей и посмотрел на него.

— Хе-хе... — Чжао Чжэнъань глуповато улыбнулся.

И только теперь Цзыци заметил: всё это время тот вёл себя на удивление тихо. Даже слишком тихо для «дурачка».

Он нахмурился и спросил:

— Твои... адэ и амо... как они к тебе относятся?

— Бьют... — у Чжао Чжэнъаня сразу покраснели глаза. — Адэ и амо бьют меня... у-у...

Он жалобно всхлипнул и инстинктивно провёл руками по телу, будто вспоминая боль.

Цзыци оттолкнул его руки и приподнял край одежды.

На плечах и спине виднелись красные следы — одни уже почти исчезли, другие выглядели совсем свежими.

В груди у него болезненно кольнуло. Но из-за вспыхнувшего гнева он даже не сразу понял, что это была жалость.

— Тогда будем держаться от них подальше, — тихо сказал он. — Будем жить вдвоём. Только ты и я. Хорошо?

— Хорошо! Хорошо! Жена! — радостно засмеялся Чжао Чжэнъань.

Словно те раны совсем не болели.

Чжун Цзыци закатил глаза. Он уже начинал подозревать, что слово «жена» стало для него чем-то вроде любимой присказки.

Вечером, возможно из-за того неприятного разговора днём, ужин оказался ещё хуже, чем в

доме Чжун.

Жёсткий грубо перемолотый бурый рис царапал горло, и Цзыци морщился, с трудом глотая.

Он мысленно решил: после раздела обязательно купит нормального риса. Экономить — это хорошо, но не до такой же степени.

Он бросил взгляд на Чжао Чжэнъяня. Тот ел с большим аппетитом, хотя и явно боялся тянуться за блюдами.

Не обращая внимания на холодные взгляды и фырканье Ван Цуйхуа, Цзыци взял палочками большой кусок овощей и положил ему в тарелку.

Чжао Чжэнъянь тут же просиял и подарил ему тёплую, искреннюю улыбку.

Ночью Чжун Цзыци лежал на кровати и рассматривал убогую, полуразвалившуюся комнату.

Всё оказалось именно так, как он и подозревал: комната, где они сидели днём как в брачном покое, на самом деле принадлежала кому-то из семьи. А эта — настоящая комната Чжао Чжэнъяня.

Внутри было навалено всякого хлама, повсюду лежала пыль, и в воздухе стоял странный запах.

Цзыци некоторое время лежал, широко открыв глаза, пытаясь привыкнуть дышать этим воздухом.

Рядом Чжао Чжэнъянь уже спал мёртвым сном, крепко обняв его за талию.

Цзыци попытался осторожно убрать его руку.

Но неожиданно обнаружил, что сил у этого парня немало — тот держал его так крепко, будто боялся отпустить.

Ну и зачем так цепляться...

В конце концов Цзыци сдался и повернулся к нему лицом.

По крайней мере от самого Чжао Чжэнъяня не пахло ничем неприятным — его запах даже немного перебивал тот странный запах в комнате.

Так они и уснули лицом к лицу.

На следующее утро Чжун Цзыци проснулся от странного ощущения.

Открыв глаза, он увидел прямо перед собой лицо Чжао Чжэнъяня — слишком близко. Тот с интересом водил рукой по его щеке.

Увидев, что Цзыци проснулся, он радостно сказал:

— Жена! У тебя лицо такое гладкое... Хочу потрогать!

Цзыци ещё не до конца проснулся и соображал медленно. Но через пару секунд смысл сказанного дошёл до него.

Он тут же хлопнул по его наглой руке.

Трогать, говоришь?! Да ты...

— Раз проснулся — вставай и одевайся, — буркнул он.

Сам он быстро натянул одежду. За последние дни он уже привык к местным нарядам, и теперь одевался без особых проблем.

А вот Чжао Чжэнъань всё ещё возился с пуговицами — неуклюже, путая их, некоторые даже застегнул не в те петли.

Цзыци не выдержал, хлопнул его по рукам и оттолкнул.

Чжао Чжэнъань тут же обиженно прикрыл ладони и посмотрел на него жалобным взглядом.

От этого выражения у Цзыци по спине пробежали мурашки. Он никак не мог привыкнуть к такой... милоте. Точнее — к естественной «глупой» милоте.

Неловко кашлянув, он протянул руки и начал заново расстёгивать пуговицы.

— Смотри. Каждая пуговица — в свою петлю. Запомнил? Не путай.

Понял ли Чжао Чжэнъань хоть слово — было непонятно. Он просто смотрел на него и глупо улыбался.

Цзыци и не ждал ответа.

На самом деле... иметь рядом дурачка было не так уж плохо.

По крайней мере он больше не будет один. Когда станет скучно или тоскливо — можно будет с кем-нибудь поговорить. Всё-таки жить вдвоём совсем не то же самое, что в одиночестве.

К тому же этот человек слушается его.

Пожалуй... он просто будет воспитывать его как сына.

<http://bllate.org/book/16132/1588448>